

— Если ты всё ещё не веришь, я могу выкрасть семейную летопись, которую твой отец оставил твоему старшему брату, и показать тебе, — продолжал Цзинь Яо.

Отец Чао Цы действительно оставил Чао Цзюэ немало вещей. Чао Цзюэ в армии всегда придерживался фракции Цяо Пэя, и даже после того, как его судьба оказалась под вопросом, отец продолжал тайком поддерживать Цяо Пэя, в том числе связями и деньгами. Позже Чао Цзюэ отправил отцу депешу, в которой сообщил, что, хотя его живым или мёртвым никто не видел, надежда ещё есть, и он непременно пошлёт людей на поиски в Чашу Туманов.

Поэтому его отец тоже затаил крошечную искорку надежды, полагая, что Чао Цзюэ, возможно, удастся выжить. А почему Чао Цзюэ не знал об этом? Главным образом потому, что шансы были невелики, и отец опасался: если вдруг случится непоправимое... испытав слишком резкий перепад от бурной радости к отчаянию, Чао Цзюэ станет ещё тяжелее, поэтому он решил пока ничего ему не говорить.

Когда армия Шанхуачжоу ворвалась в столицу, его отец прекрасно понимал, что ему не избежать смерти, а потому спрятал все важные вещи. Если Чао Цзюэ остался жив, он, разумеется, сможет их отыскать; если же Чао Цзюэ погиб, пусть эти сокровища так и останутся зарытыми в земле.

Что же касается собственного младшего сына, отец действительно не смел возлагать на него больших надежд — он лишь молил об одном: чтобы тот жил в мире и безопасности, ничем не рискуя.

Позже Чао Цзюэ рассказал об этом Чао Цы, так что тот был в курсе.

— Почему я не могу просто попросить старшего брата показать мне родословную? — Чао Цы почувствовал, что напал на след.

— Твой брат недолюбливает меня. Когда я пришёл к тебе, Цяо Пэй захотел посадить меня под домашний арест, и твой брат с этим согласился, — ответил Цзинь Яо.

— Почему это? — опешил Чао Цы, ведь он всегда считал своего старшего брата крайне здравомыслящим человеком.

— Потому что с давних пор он считал меня человеком сомнительного происхождения, да к тому же мужчиной. В тот день, когда ты наотрез решил жениться на мне, вам с отцом и братом пришлось приложить немало усилий, прежде чем они кое-как дали своё согласие.

— Пусть так, но... раз ни отец, ни брат не любили тебя, значит, с тобой определенно что-то не так, — почесал затылок Чао Цзюэ. — Да и когда я сам вижу тебя, мне становится не по себе. Наверняка в прошлом ты делал то, что мне неприятно.

Он был донельзя прямодушен и высказал всё прямо в лоб.

Услышав это, Цзинь Яо мгновенно помрачнел.

Долго закусив губу, он кивнул:

— В прошлом я действительно перед тобой виноват.

— Я очень сожалею, Сяо Цы.

Он опустил взгляд, и в его очертаниях проступило какое-то одиночество.

Увидев, что этот человек от его слов вмиг сник, Чао Цы поневоле тоже растерялся.

— Мы же вроде говорили о семейной родословной... — невнятно переводя тему, пробормотал Чао Цы. — Раз уж брат тебя не любит, так возьми и тайком принеси её мне показать.

В конце концов, состоял ли он на самом деле в браке с этим человеком, его самого тоже очень волновало.

К тому же, судя по словам этого типа, он не только женился на нём, но они даже не развелись, так что формально всё ещё считаются мужем и женой...

К подобным вещам Чао Цы всё-таки относился не совсем равнодушно.

— У меня здесь только это лекарство, да и бинтов никаких нет, ступай-ка скорее наружу, найди лекаря и как следует перевяжи рану, — произнёс Чао Цы.

Цзинь Яо очень хотел побыть с Гуань Су ещё немного, но, видя, что тот явно намерен его выпроводить, к тому же уже смеркалось и вот-вот должен был прийти кто-нибудь, чтобы принести юноше ужин, ему пришлось уйти.

— Завтра я приду снова, — бросил Цзинь Яо.

Едва Цзинь Яо перешагнул порог и Чао Цы ещё не успел перевести дух, как не прошло и полчасика, честно говоря, явился... Цяо Пэй.

— Т-ты почему пришёл?

Прежде Чао Цы был с Цяо Пэем не разлей вода и не замечал в этом ничего странного. Но вспомнив, что он, судя по всему, действительно был женат на том мужчине, а Цяо Пэй, зная об

этом, сошёлся с ним и даже подослал людей убить того человека...

Многолетняя привязанность и доверие не рушились вот так легко, однако из-за того, что тот мужчина только что ушёл, а Цяо Пэй неожиданно появился к нему, на душе всё равно было немного неловко.

— Пришёл поужинать с тобой и заодно обсудить кое-что, — с улыбкой ответил Цяо Пэй.

В то же самое время вереницей в комнату вошли служанки, неся подносы с разнообразными яствами.

Цяо Пэй вышел из армейских низов, поэтому не придерживался излишних условностей и уж тем паче не соблюдал правило не говорить во время еды.

А Чао Цы, будучи в прошлом беззаботным наследником знатного рода, тоже на подобных мелочах не заикливался.

Когда все блюда были выставлены, Чао Цы взял в руки пиалу и спросил:

— Что обсудить?

Цяо Пэй не стал притрагиваться к еде, лишь налил себе чашку вина и произнёс:

— Давай поженимся.

— ???!

Чао Цы на мгновение замер.

Лишь спустя долгое время до него дошло:

— Поженимся? Прямо сейчас?

Сейчас Империя Е только что была основана, ситуация при дворе по-прежнему оставалась крайне запутанной. Если Цяо Пэй женится на нём, мужчине, неужели это действительно не вызовет смуты?

— В любое время всегда найдутся те, кто будет против. Мы же не можем из-за этого никогда не жениться, — спокойно ответил Цяо Пэй. Фактически, внезапное появление противника вызвало у него чувство угрозы, а вчерашняя неудачная попытка подослать убийцу к Цзинь Яо заставила его осознать, что искоренить зло до конца может оказаться не так-то просто.

Раз так, лучше было нанести удар первыми.

— Может, всё-таки подождём? Пару лет — и то лучше, чем сейчас... — запинаясь, произнес Чао Цы.

— Ты не согласен? — Цяо Пэй посмотрел на него. — Или ты и впрямь поверил бредовым рассказам вчерашнего гостя?

— Н-ничуть не... — с натянутой улыбкой ответил Чао Цы. — М-может, дашь мне еще пару дней на раздумья?

По крайней мере, нужно дождаться, пока этот мужчина покажет ему семейное древо!

— Завтра, — отрезал Цяо Пэй.

— Л-ладно, пусть будет завтра, — скрепя сердце согласился Чао Цы.

Когда Цяо Пэй ушел, А1111 задал ему вопрос:

— Допустим, завтра Цзинь Яо принесет тебе семейное древо, и в нем наверняка окажутся доказательства того, что вы уже состояли в браке. И что ты тогда собираешься делать?

— Кто его знает, до сих пор мне не дали ни единой зацепки. Раньше во время выполнения заданий у меня хотя бы была четкая цель, а сейчас разве не вслепую тыкаемся? — Чао Цы и сам был озадачен.

— Может, покончить с собой и посмотреть, удастся ли мне выбраться отсюда? — предложил он, ведь он уже начал скучать по недавно купленной вилле.

Он помнил, что за день до того, как его затащило сюда, заказал изысканный ужин на верхнем этаже главного здания центрального мира и планировал как следует насладиться им на следующий день, но кто же знал, что все планы пойдут прахом.

— Интересно, совпадет ли временная шкала, когда я выберусь? Если время в моем родном мире тоже продолжало идти, то моему роскошному ужину за восемьсот тысяч универсальных монет пришел конец.

Чао Цы издал скорбный вопль.

— Ужин за восемьсот тысяч! На эти деньги я мог бы повысить уровень! Ты слишком транжирен. Этот ужин — лишь ловушка, которую Главный Бог создал, чтобы выманить у вас деньги, а ты еще и глупо попался на нее! — система не удержалась и посочувствовала потраченным средствам.

— Деньги зарабатывают для того, чтобы их тратить, — беспечно бросил Чао Цы.

— Ты так отчаянно их зарабатываешь, но расстаешься с ними так легко.

Чао Цы кивнул и подытожил:

— Потому что мне так хочется! — Ладно, — система больше не стала развивать эту тему. — Кстати, советую тебе даже не думать о самоубийстве. Цзинь Яо вытащил тебя сюда именно потому, что не смог принять твою внезапную смерть. Если ты вздумаешь покончить с собой сейчас, в лучшем случае тебя снова вытащат и перезапустят мир. А в худшем — ты просто-напросто окончательно загниешь.

— Я же просто пошутил, будь это так просто, я бы давно уже свел счёты с жизнью, — отозвался Чао Цы.

— У тебя вообще есть хоть какие-то другие планы? — озадачилась система. В небольшом мирке был заточён лишь Чао Цы, тогда как её истинная сущность оставалась в главном пространстве — её направил сюда Главный Бог исключительно из-за чрезвычайной ситуации у Чао Цы, чтобы прийти тому на помощь.

Но прошло уже столько времени, а Чао Цы, похоже, вовсе не переживал ни о чём, кроме собственной урезанной премии. Каждый день он с таким удовольствием вживался в роль, что просто диву даешься — император не спешит, зато евнухи суетятся. Когда Чао Цы погружался в образ, он даже переставал с ней разговаривать. Порой система начинала думать, что Чао Цы и есть тот самый настоящий Чао Цы из этого мира. Если подумать, всё очень просто. Увидев, что я умер, он не смог с этим смириться и насильно вытащил меня обратно. Всё сводится к тому, что ему надоело быть униженным псом, и он понял, что я ему нравлюсь. Когда кто-то нравится, конечно, хочется быть с ним вечно — в этом и заключается цель Цзинь Яо.

Чао Цы полулежал у изголовья кровати, приподняв одно колено. Водопад иссиня-чёрных волос скользнул вслед за его движением, рассыпавшись по груди и спине.

Алая одежда, чёрные волосы, прекрасный лик.

Цзинь Яо всегда казалось, что персиковые глаза Чао Цы похожи на кошачьи — большие и невинные. Но на самом деле в личной жизни Чао Цы терпеть не мог широко раскрывать глаза. Он всегда полуприкрывал их, отчего они казались узкими и длинными, а уголки слегка вздергивались вверх, излучая небрежную лень.

Порой A1111 действительно было любопытно, кем Чао Цы был до того, как стал странником по мирам.

Странники по мирам, конечно же, не рождаются таковыми. Главный Бог тщательно отбирает их в каждом из миров и заручается их согласием, прежде чем они становятся странниками. И те, кого выбирают среди миллиардов миров, все до единого исключительно одарены.

Но даже при этом Чао Цы среди странников можно было назвать ужасающим. Его скорость продвижения была самой высокой среди всех странников, и вовсе не потому, что он шёл лёгким путём, выполняя задания низкопоклонников — на самом деле задания низкопоклонников были настолько трудными, что за них никто не брался. Чао Цы умел полностью растворяться в обраче, превращаясь в самого персонажа, но при этом в любой момент мог отстраниться от него. Такого уровня мастерства невозможно было достичь простым актерским мастерством. Единственным хостером, с которым A1111 доводилось видеть хоть какое-то сравнение, был один из прошлых подопечных, страдавший психическим расстройством: у него с рождения отсутствовали эмоции, и познать радость, гнев, печаль и веселье он мог, лишь полностью вживаясь в роль, благодаря чему обладал потрясающим актерским талантом. Однако он с легкостью растворялся в самом персонаже, и после выполнения задания ему требовалось невероятно много времени на восстановление. Приходилось проходить через несколько сеансов стирания эмоций вкупе с долгим отдыхом.

Однако прошлое переговорщиков до того, как они ими стали, находилось под защитой Главного Системы, и узнать его было невозможно, если они не заговорят об этом сами.

Эта мысль лишь на мгновение мелькнула в потоке данных системы и тут же была отброшена, поскольку обсуждали они сейчас совсем другое.

— Выходит, ты намерен провести здесь всю жизнь, оставаясь рядом с Цзинь Яо? — предположила система.

— С чего бы это? — Чао Цы закатил глаза, его тон одновременно выражал отвращение и возмущение. — Не говоря уже о том, что Цзинь Яо бессмертен и неумолим, и если провести с ним всю жизнь, то, боюсь, вернуться домой уже не получится вообще. Даже если просто вспомнить, что этот негодяй украл мой отпуск и заставил меня работать сверхурочно без всякой причины, я ни за что не позволю ему жить так легко и счастливо!

— И что же ты собираешься делать? — Система даже растерялась от выходок Чао Цы. — Если ты снова инсценируешь собственную смерть, Цзинь Яо наверняка этого не перенесет. Что, если он снова затащит тебя обратно?

— Проще простого, — Чао Цы откинулся назад. — Сделать так, чтобы ему было и больно, и тоскливо, но при этом пришлось бы смириться с реальностью. Тогда я и душу отведу, и смогу вернуться.

— Ну ты и безжалостен, — восхитилась система.

.....

На следующий день во второй половине дня Цзинь Яо явился вовремя.

Чао Цы, как ни в чем не бывало, увлеченно ел сладости и цукаты, делая вид, будто не замечает, что этот тип появился из ниоткуда.

Этот парень и впрямь даже не пытался скрыть свои способности и, судя по всему, вообще не планировал вечно таиться от Чао Цы — должно быть, рассчитывал помириться с ним и во всем признаться.

Судя по его натуре, стоило им только помириться, как Цзинь Яо тут же попытался бы увезти Чао Цы на небеса.

Цзинь Яо подошел к Чао Цы и с абсолютно естественным видом опустился на стул рядом с ним.

Чао Цы сделал вид, будто заметил его только сейчас, широко распахнул глаза и слегка удивился:

— Чего это ты расхаживаешь бесшумно, как призрак?

— Каких бы трудов мне стоило украсть родословную твоей семьи, если бы я не владел хоть какими-то навыками? — в свою очередь спросил Цзинь Яо и извлек из рукава пожелтевшую, но отлично сохранившуюся книгу.

— И ведь правда принес, — Чао Цы взял семейную летопись, бегло проверил ее и, убедившись, что это действительно его собственная родословная, а не подделка, которую Цзинь Яо

раздобыл неизвестно где, с изрядным волнением принялся листать страницы в поисках нужного листа.

Знаете ли, он вовсе не горел желанием состоять в каких-либо брачных узах с этим странным типом.

Однако события, как назло, развивались вопреки человеческим желаниям: отыскав нужную страницу, он, разумеется, обнаружил рядом со своим именем имя Цзинь Яо в графе законный супруг.

Тут Чао Цы вспомнил о вчерашнем разговоре с Цяо Пэем, который велел ему всё обдумать, и у него тут же разболелась голова.

С чего бы это на ровном месте едва не угодить под статью о двоеженстве!

— Ну что, теперь веришь? — Цзинь Яо смотрел на него, и в его фениксовых глазах таилась улыбка.

— То, что мы женаты, поверил, — отозвался Чао Цы. — Чего ты хочешь?

— Порвать с Цяо Пэем и вернуться со мной, — не задумываясь, выдал свои планы Цзинь Яо.

— Не выйдет, — напрямую отказал Чао Цы.

— Я твой законный супруг, и ты — мой. Неужели ты все еще хочешь путаться с этим Цяо Пэем? — Лицо Цзинь Яо слегка переменялось, во взгляде промелькнула сдерживаемая злость.

— В первый же день, когда я встретил тебя несколько дней назад, мне показалось, что ты вызываешь во мне лишь злость и отвращение. Пусть даже я лишился памяти, неужели перед лицом близкого человека я испытывал бы подобное? Ты говоришь, что совершил нечто такое, за что тебе стыдно передо мной, но мне кажется, дело вовсе не так просто. Быть может, мы с тобой давным-давно порвали все связи или даже стали врагами, и лишь спасались бегством от войны, так и не успев расторгнуть брак. С чего бы мне в таком случае поступать так, как тебе хочется? Пользуешься тем, что я ничего не помню и меня легко запугать? — Чао Цы задрал брови, широко распахнув глаза, и сейчас был похож на разозленного пухлого котёнка.

Увидев его таким, Цзинь Яо смягчился и непривычно ласковым тоном произнес:

— Чего же ты тогда хочешь?

— Верни мне память, и я сама решу, хороший ты человек или нет, — заявил Чао Цы.

Цзинь Яо замер и ничего не ответил.

Не дождавшись ответа, Чао Цы вошел во вкус:

— Чего молчишь? Совесть не чиста?

Цзинь Яо вовсе не был человеком нерешительным.

Хотя брошенные Чао Цы полгода назад при расставании слова «я ненавижу тебя» и сейчас отзывались в сердце неприятным саднем, он полагал, что это, скорее всего, были лишь сорванные с языка в сердцах слова юноши.

В конце концов, Чао Цы так сильно любил его.

Цзинь Яо прожил в одиночестве мириады лет, и многие божества или сородичи не раз советовали ему одуматься, говоря, что жизнь одиночки лишена прелестей семейной жизни. Но все эти мирские расставания и воссоединения были до банального одинаковы: кто-то, возможно, и умудрялся по счастливой случайности встретить истинную половинку, однако подавляющее большинство людей сходились лишь из-за внешности и впустую тратили годы — скучно и нелепо.

Он никогда не думал, что встретит такого человека, как Гуань Су.

Тот был прекраснее и искреннее любой любви, какую только мог вообразить себе Цзинь Яо.

Как же юноша, так сильно любивший его, мог после того случая навсегда утратить к нему всякие чувства?

Когда юноша вернет память, пусть в его сердце и затаится обида, он все равно сохранит к нему привязанность, и, пожалуй, ситуация сложится даже лучше прежнего.

— Хорошо, — вымолвил Цзинь Яо.

Бросив на него взгляд, Чао Цы сразу понял, что этот тип уже раскатал губу.

Но именно этого он и добивался — заставить Цзинь Яо думать в нужном русле. А когда он якобы «вспомнит» всё, то сможет как следует проучить этого парня.

Пусть этот несчастный работяга, отпахавший без единого выходного несколько сотен лет и наконец-то дождавшийся отпуска, который у него нагло отобрали, сполна ощутит всю ярость корпоративного пса!

— ? Да ладно тебе, не стоит так... — мысленно проворчала система.

Назвал себя трудягой-победителем по жизни, а сам придирается к бедняге, у которого не было выбора.

Игнорируя ворчание системы, Чао Цы произнес:

— Тогда возвращайся пока! Как только я вернусь к памяти, сразу приду за тобой!

Однако выражение лица Цзинь Яо странно изменилось.

Только что он подсознательно решил, будто юноша требует, чтобы он помог вернуть память, и лишь сейчас вспомнил, что Гуань Су ничего не знает о его истинной личной природе, а следовательно, не ведает и о том, что его собственную память стер именно он сам.

Юноша имел в виду, что вернет память самостоятельно, а уже после станет обсуждать с ним все эти вопросы.

Кто угодно мог не знать, но Цзинь Яо-то прекрасно понимал: память Гуань Су была запечатана, и если бы кто-то другой не помог ему снять печать, тому не видать воспоминаний как своих ушей до конца дней.

Его лицо слегка дрогнуло, после чего он произнес:

— Не нужно ждать так долго. У меня есть чудодейственное лекарство, которое поможет тебе вернуть память.

Его ложь была из рук вон плохой, но раз юноша все равно вот-вот всё вспомнит, чем более складную ложь он сейчас сочинит, тем более нелепой она покажется Чао Цы, когда тот придет в себя. Уж лучше сразу соврать неуклюже.

Ложь и впрямь оказалась настолько неубедительной, что ее не раскусил разве что наивный юноша, который лишь пробормотал:

— Почему всё выглядит так легкомысленно...

Цзинь Яо небрежно создал из воздуха фарфоровый флакон, в котором лежала зеленая пилюля. Проглотив половину сам, чтобы доказать отсутствие яда, он заставил Чао Цы с сомнением проглотить оставшуюся часть.

В конце концов, хоть юноша и не был глупцом, умом он действительно особо не блистал.

□□□□□□□□□□□□□□□□

Огромное спасибо маленьким ангелочкам, которые жертвовали мне багряные монетки или подливали питательную жидкость в период с 25.04.2020, 23:23:21 по 26.04.2020, 23:45:46!

Спасибо ангелочкам, пожертвовавшим наземные мины: Пи Бли Ли Ли — 4 шт., Линь Лу — 1 шт.

Спасибо ангелочкам, подлившим питательную жидкость: linlin — 10 фл., Цу, Цзю Няо Сяо Юань Цзы — 2 фл., Цянь Мо — 1 фл.

Большое спасибо всем за поддержку, я буду стараться еще сильнее!

Ты становишься бессмертным, а я не останусь охранять мир смертных (глава 16)

Вернуть Чао Цы память было несложно. Хотя тогда память якобы стерли, на самом деле ее просто запечатали. Если бы ее действительно стерли полностью, это повредило бы божественную душу, на что не осмелился бы даже Сымин.

Поэтому теперь требовалось лишь снять ту печать, причем даже без малейших неприятных ощущений.

Проглотив пилюлю, Чао Цы почувствовал лишь легкое головокружение, которое тут же прошло, сменившись нахлынувшим потоком воспоминаний.

Его любовь с первого взгляда к Цзинь Яо, безответные чувства, иллюзия взаимовыручки во время скитаний и последняя нелепая правда.

Чао Цы сидел за столом, опустив голову, и долго застыл в этой позе, не произнося ни слова.

Цзинь Яо тоже молчал — он знал, что Чао Цы требуется время, чтобы переварить эти воспоминания.

Спустя долгое время Чао Цы издал тихий, глухой смешок, словно с трудом выдавливая звуки из самого горла:

— Зачем ты вернулся? Разве твое Испытание чувств еще не завершено?

Его смех был настолько тихим и надломленным, что в сердце Цзинь Яо, до того тешившего себя надеждой, начала закрадываться паника.

Чао Цы всегда отличался беззаботностью, и таким его он видел впервые.

Казалось, дела обстояли вовсе не так оптимистично, как он воображал.

— Прости меня, Сяо Цы, — с предельной серьезностью произнес Цзинь Яо. Белоснежный небожитель впервые за мириады лет своего существования в нижнем мире говорил столь мягко.

— Ты и впрямь перед виноватдомом, — Чао Цы поднял голову, являя миру слегка припухшие персиковые глаза.

— Но все уже позади. Если ты действительно хочешь загладить свою вину передо мной, уходи сию же минуту, — его покрасневшие веки на фоне белого, подобно нефриту, лица выглядели донельзя жалко и трогательно, однако взгляд Чао Цы был полон непреклонности. — Мы в Море Смертных, Чао Цы — всего лишь простой смертный, недостойный тебя.

Всегда дурачившийся и радовавшийся жизни юноша сейчас был донельзя категоричен.

Одетый в белые одежды небожитель с черными волосами слегка замер, после чего нахмурился:

— В прошлом я во многом был виноват перед тобой, но отныне я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы искупить эту вину. Не говори глупостей со зла.

<http://bllate.org/book/22189/2312428>